

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Серия «Хрестоматия по психологии»

Составитель Т. Н. Курбатова

Главный редактор	В. Усманов
Заведующий психологической редакцией	А. Зайцев
Зам. зав. психологической редакцией	Н. Мигаловская
Ведущий редактор	А. Борин
Редактор	С. Комаров
Художник обложки	Н. Биржаков
Корректор	М. Рошаль
Верстка	Ж. Григорьева

ББК 88.4я7 УДК [159.2.34](075)

Ю70 Юридическая психология / Сост. и общ. редакция Т. Н. Курбатовой. – СПб.: Питер, 2001. – 480 с.; ил. – (Серия «Хрестоматия по психологии»).

ISBN 5-272-00239-3

В хрестоматии представлены тексты ведущих специалистов в области криминальной, судебной, исправительной психологии и судебно-психологической экспертизы, характеризуемые проверенной временем научной и практической значимостью, «психологичностью», понятностью используемой терминологии для представителей смежных специальностей. Многие из работ, имевшие ранее гриф «Для служебного пользования», впервые становятся доступными большинству читателей. Хрестоматия является содержательным и методическим дополнением к учебнику «Юридическая психология» (СПб.: Питер, 2000), образуя с ним учебно-методический комплекс по данной дисциплине. Эта книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов психологии и юридических вузов, работников правоохранительных органов: юристов, адвокатов, следователей, юридических психологов.

© Курбатова Т. Н., составление, предисловие, 2000

© Серия, оформление. Издательский дом «Питер», 2001

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-272-00239-3

Лицензия ИД № 01940 от 05.06.2000.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
OK-005-93, том 2; 95 3000 – книги и брошюры.

Подписано к печати 19.12.2000. Формат 84x108¹/32. Усл. п. л. 25,2. Тираж 7000 экз. Заказ № 973.

ЗАО «Питер Бук». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 67.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Нажмите здесь, чтобы купить полную
версию книги

Содержание

Раздел I. Криминальная психология

Норма и патология. Э. Дюркгейм	9
Социологический подход к изучению причин преступности. Т. Селлин	16
Психологическая теория преступности	
Айзенка, С. Н. Богомолова	32
Homo Criminologicus. А. М. Яковлев	45
Правовая культура и поведение. А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова	50
Действие социальной нормы. Ю. В. Кудрявцев	65
Понятие о личности преступника. Б. Д. Лысков, Т. Н. Курбатова	74
Личность преступника с психическими аномалиями.	
Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан	91
Механизм преступного поведения. В. Н. Кудрявцев	112
Бессознательные мотивы преступного поведения.	
Е. Г. Самовичев	119
Преступность и ее социально-психологические асpekты. А. И. Долгова	139
Изучение самооценки преступников. А. Р. Ратинов	148
Жестокость как правовая и нравственно-психологическая проблема. А. Р. Ратинов, О. Ю. Михайлова	159
Факторы, обусловливающие особую жестокость.	
А. П. Закалюк	171
Об одной из концепций личностного подхода к объяснению причин систематического занятия бродяжничеством. Ю. М. Антонян	191

Раздел II. Судебная психология

Цели, содержание и приемы изучения следователем психологии обвиняемого. М. М. Коченов, Н. И. Ефимова, А. С. Кривошеев, О. Д. Ситковская	205

<i>Психология признания и отрицания вины. А. Р. Ратинов,</i>	
<i>Н. И. Ефимова</i>	237
<i>Понятие, виды и происхождение ошибок</i>	
<i>в свидетельских показаниях. Н. И. Гаврилова</i>	253
<i>Следственные действия. Ф. В. Глазырин</i>	270
<i>Практикум по судебной психологии. Ф. В. Глазырин,</i>	
<i>Г. Г. Шиханцов</i>	315

Раздел III. Исправительная психология

<i>Психологическая характеристика адаптации освобожденного</i>	
<i>к условиям жизни на свободе. В. Л. Васильев</i>	321

Раздел IV. Судебно-психологическая экспертиза

<i>Строение тела и характер. Э. Кречмер</i>	332
<i>Судебно-психологическая экспертиза. М. М. Коченов</i>	347
<i>Этические проблемы судебно-</i>	
<i>психологической экспертизы. Ф. С. Сафуанов</i>	364
<i>Психология допроса малолетних свидетелей.</i>	
<i>М. М. Коченов, Н. Р. Осипова</i>	374
<i>Компетенция судебно-психологической</i>	
<i>экспертизы аффекта. О. Д. Ситковская</i>	410
<i>Судебно-психологическая экспертиза потерпевших</i>	
<i>по делам об изнасиловании. М. М. Коченов</i>	425
<i>Судебно-психологическая экспертиза психического</i>	
<i>состояния лица, покончившего жизнь</i>	
<i>самоубийством. Ф. С. Сафуанов</i>	439
<i>Судебно-психологическая экспертиза</i>	
<i>в делах о признании недействительными сделок</i>	
<i>с пороками воли. Т. В. Сахнова</i>	450
<i>Практикум по общей, экспериментальной</i>	
<i>и прикладной психологий. Б. Д. Лысков</i>	454
<i>Практикум по судебно-психологической</i>	
<i>экспертизе. Л. В. Алексеева</i>	469

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предметом юридической психологии являются психические явления и закономерности, возникающие в тех видах деятельности, которые регулируются нормами права. При этом специфику предмета юридической психологии определяет не то, что она изучает какие-то особые психические явления, качественно отличные от тех, которыми занимаются другие отрасли психологической науки, а своеобразный ракурс видения этих явлений. Она исследует их правовое значение, оценивает криминальность, ищет научно-обоснованные методы снижения возможности нарушения правовых норм путем психологической коррекции различных психических состояний и свойств личности правонарушителей.

Юридическая психология как одна из прикладных отраслей психологии имеет давнюю историю и глубокие корни. Судя по литературным источникам и историческим изысканиям, уже до нашей эры психологические знания использовались для решения конкретных запросов юридической практики. Понятно, что терминология, условия и формы применения этих знаний были несколько иными.

На протяжении всего своего развития юридическая психология переживала как взлеты, так и падения. Впрочем, такая динамика присуща любой известной науке. В исторической перспективе считается, что в нашей стране ее расцвет — это период с начала XX в. и где-то до 30-х гг., потом — резкий спад, наблюдавшийся до 70-х гг., и затем — снова подъем.

Нынешний восходящий виток в развитии юридической психологии обусловлен не только логикой развития самой психологической науки и практики, что естественно, но и чрезвычайно возросшим уровнем криминализации нашего общества, достигшим едва ли не самой критической точки. В результате вырос «спрос» на юридическую психологию, возросла ее востребованность.

В данный сборник отбирались тексты, которые малоизвестны или вообще неизвестны современному читателю по ряду

причин: это и давность лет (в среднем 15–20), и маленькие тиражи. Так, к примеру, «Психологическая теория преступности Айзенка» С. Н. Богомоловой вышла тиражом 500 экз., а «Психологическое изучение личности преступника» А. Р. Ратинова — и того меньше — 100 экз. При этом многие из них к тому же имели гриф «для служебного пользования», что делало их элементарно недоступными для большинства читателей.

Еще пример: статьи всемирно известных социологов Э. Дюркгейма и Т. Селлина, опубликованные в нашей стране в 1966 г. в сборнике «Социология преступности» с пометкой «для библиотек», сразу же стали недосыгаемыми и «недоставляемыми» раритетами.

Кроме труднодоступности выбор текстов данного сборника соответствует ряду критерииев, таких как проверенная временем научная и практическая значимость, актуальность; ясность изложения, его относительная краткость, точность и современность; «психологичность» юридических текстов, понятность используемой терминологии для представителей смежных профессий.

В юридической психологии с определенной и позволительной долей условности можно выделить четыре части, о которых пойдет речь ниже, и именно они определили структуру хрестоматии.

У взявшего в руки эту книгу будет возможность ознакомиться с уникальными в своем роде фрагментами, собранными вместе меж двух тоненьких корочек и дающими возможность охватить многоцветную палитру ярких имен и широкий веер информации в чрезвычайно перспективной и важной сфере психологического знания — юридической психологии.

Составитель осознает свою ответственность за выбор представленных авторов и работ, хотя он, конечно, по-человечески пристрастен, оправданием ему может служить 20-летний опыт проведения судебно-психологических экспертиз и почти такой же опыт работы на специализации «Юридическая психология» факультета психологии СПбГУ.

Т. Н. Курбатова,
доцент кафедры психологии поведения и превенции
поведенческих аномалий факультета психологии СПбГУ,
кандидат психологических наук

I _____

Криминальная психология

Основные темы и понятия раздела

- *Норма и патология*
- *Социологический подход
к изучению причин
преступности*
- *Правовая культура и поведение*
- *Действие социальной нормы*
- *Понятие о личности
преступника*
- *Механизм преступного
поведения*
- *Изучение самооценки
преступников*
- *Жестокость как правовая
и нравственно-психологическая
проблема*
- *Факторы, обуславливающие
особую жестокость*

Криминальная психология является составной частью юридической психологии и изучает социально-психологические причины правонарушений и преступности, психологические механизмы преступного поведения, психологию личности преступника и правонарушителя, а также – психологопедагогические средства профилактики правонарушений и иных форм социальных отклонений. Именно с учетом вышеизложенного и представлен настоящий раздел.

Невероятно, но лекционный курс с названием «Уголовная психология» читался в Тартуском (Дерптском) университете еще до нашествия Наполеона, в 1812 г. Дальнейшая судьба этого курса неизвестна, но то, что он был утрачен и в нашей стране до 1982 г. не существовало – это точно.

С 1982 г. и по сей день, но уже под названием «Криминальная психология», курс читается автором этих строк на специализации «Юридическая психология» СПбГУ. И хотя содержание с годами претерпевало существенные изменения, оставались базовые идеи, которые принадлежат выдающемуся юристу и замечательному человеку – А. Р. Ратинову, доктору юридических наук, долгие годы заведовавшему сектором юридической психологии Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (сейчас это НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ).

И ему, Александру Равимовичу Ратинову, самому психологическому юристу, и его классной команде – моя глубочайшая признательность.

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ¹

Преступления совершаются не только в большинстве обществ какого-либо одного определенного типа, но во всех обществах всех типов. Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Ее формы меняются; деяния, квалифицируемые в качестве преступных в одном месте, не являются таковыми везде; однако всегда и повсюду есть люди, которые ведут себя таким образом, что это навлекает на них уголовное наказание. Если бы по мере того, как общество переходит от низших форм к высшим, уровень преступности, то есть соотношение между числом ежегодно совершаемых преступлений и количеством населения, обнаруживал тенденцию к снижению, можно было бы полагать, что преступность, оставаясь нормальным явлением, постепенно теряет этот характер. Однако у нас нет оснований считать, что такое снижение действительно происходит. Многие факты указывают скорее на наличие противоположной тенденции. С начала XIX столетия статистика позволяет нам следить за развитием преступности. Она повсюду возросла. Во Франции преступность выросла примерно на 300 %. Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива. Допустить, что преступность представляет собой форму проявления социальной патологии, значило бы согласиться с тем, что патология не есть нечто случайное в жизни общества, а, напротив, в определенных случаях она вырастает из основной конституции живого организма; результатом этого было бы стирание всякого различия между физиологическим и патологическим. Нет сомнения, что сама по себе преступность может принимать ненор-

¹ Социология преступности (современные буржуазные теории). Сб. статей / Под ред. проф. Б. С. Никифорова. — М.: Прогресс, 1966. — С. 39—44.

мальные формы, как это имеет место, например, в тех случаях, когда ее уровень необычно высок. Такого рода превышение нормы, безусловно, имеет патологический характер. Проще говоря, нормальным является само существование преступности при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа; этот уровень, быть может, не невозможно установить¹.

Здесь мы сталкиваемся с выводом, казалось бы, совершен-но парадоксальным. Не будем впадать в ошибку. Относя преступность к явлениям нормальной социологии, мы вовсе не хотим сказать, что это неизбежное, хотя и вызывающее сожаление явление, обязанное своим существованием неискорени-мому злонравию людей. Мы хотим подчеркнуть, что преступ-ность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ. На первый взгляд такое заключение поражает, и мы сами долгое время были озадачены этим. Однако как только это первое чувство проходит, нетрудно найти доводы, объясняющие, почему пре-ступность следует отнести к числу нормальных явлений, и в то же время подтверждающие эту мысль.

Прежде всего, преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно. Преступление заключается в совершении деяния, наносящего ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, стра-дающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов обще-ства, и они должны были бы проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если даже предположить, что такого рода условие может быть реализо-вано, то и в этом случае преступления не исчезнут; они только изменят свою форму, ибо та самая причина, которая устранит

¹ Из того факта, что преступность представляет собой явление нормальной социологии, вовсе не следует, что преступник — это индивидуум, нормаль-ный с биологической и психологической точек зрения. Это два независи-мых друг от друга вопроса, и это станет яснее ниже, когда мы покажем различие, существующее между психологическими и социологическими фактами.

указанным образом источник преступности, немедленно создаст новые источники.

Действительно, для того чтобы коллективные чувства, охраняемые уголовными законами нации в определенный период ее истории, овладели общественным сознанием, или для того чтобы эти чувства приобрели большую силу там, где они недостаточны, они должны стать более интенсивными, чем это было раньше. Общество в целом должно испытывать эти чувства более напряженно, ибо ему неоткуда черпать большую силу, необходимую для контроля над лицами, которые раньше наименее поддавались их воздействию. Для того чтобы исчезли убийства, отвращение к пролитию крови должно стать большим в тех социальных слоях, из которых рекрутятся убийцы; однако прежде всего это отвращение должно с новой силой охватить все общество в целом. Более того, само отсутствие преступлений прямо содействовало бы появлению такого отвращения, ибо любые чувства, по-видимому, пользуются гораздо большим уважением, когда они уважаются всеми и повсюду.

Легко упустить из виду то обстоятельство, что этот высокий уровень общественного сознания не может быть достигнут указанным образом, если не усилится острота переживания тех более слабых чувств, нанесение ущерба которым ранее означало лишь нарушение обычая, ибо слабые чувства есть не что иное, как продолжение более сильных чувств, их более приглушенная форма. Так, хотя грабеж и простое проявление дурного вкуса ранят одно и то же альтруистическое чувство — чувство уважения к тому, что принадлежит другому, однако это чувство страдает от проявления дурного вкуса меньше, чем от грабежа; и поскольку, кроме того, среднее сознание не обладает интенсивностью, достаточной для того, чтобы остро реагировать на проявление дурного вкуса, к нему относятся с большей терпимостью. Вот почему за проявление плохого вкуса человека лишь порицают, в то время как за грабеж наказывают. Однако если это чувство усилится до такой степени, что заставит замолкнуть в сознании каждого мотивы, побуждающие человека к воровству, он станет более чувствителен к нарушениям, которые до этого лишь слегка затрагивали

его. Люди станут тогда более энергично реагировать на такие нарушения, их будут считать более позорными, и это приведет к тому, что некоторые из таких нарушений из области моральных проступков перейдут в область деяний, характеризуемых как преступные. Например, неправомерные сделки или неправомерное исполнение сделок, что влечет за собой всего лишь общественное осуждение или возмещение убытков в порядке гражданского судопроизводства, станут преступлением по закону.

Представьте себе общество святых, образцовый монастырь примерных индивидуумов. Преступления в собственном смысле слова здесь неизвестны; однако проступки, представляющиеся несущественными мирянину, вызовут тут точно такой же скандал, какой обычные преступления вызывают в обычных условиях. Если к тому же такое общество обладает властью судить и наказывать, оно определит такие деяния как преступные и будет относиться к ним соответствующим образом. По этой же причине безупречно честный человек осуждает малейшие свои промахи с той суворостью, какую большинство людей проявляет в отношении деяний, с большим основанием относимых к числу преступлений. В прежнее время акты насилия над личностью встречались чаще, чем в наши дни, так как уважение к достоинству личности было не столь сильным. По мере усиления этого чувства такие преступления стали более редкими; вместе с тем в уголовный закон была введена ответственность за многие действия, посягающие на человеческое достоинство, которые не наказывались в уголовном порядке в прежние, примитивные времена¹.

Для того чтобы исчерпать все логически возможные гипотезы, следует, быть может, спросить, почему подобное единодущие не распространяется на все коллективные чувства без исключения. Почему даже самое слабое чувство не может обладать достаточной силой, чтобы предотвратить любое несогласие? Моральное сознание общества должно быть в целостном виде воплощено в индивидуальном сознании всех его членов и обладать силой воздействия, достаточной для того,

¹ Речь идет о клевете, оскорблении, обмане и т. д.

чтобы предотвратить любые посягающие на него деяния, — как малозначительные нарушения, так и преступления. Однако такое универсальное и абсолютное единообразие совершенно невозможно; непосредственная физическая среда, окружающая каждого из нас, передаваемые по наследству качества и социальные влияния по-разному действуют на разных лиц и вследствие этого создают различия в сфере сознания. Люди не могут быть совершенно одинаковыми хотя бы потому, что каждый из них обладает своим собственным организмом и эти организмы занимают различные зоны в пространстве.

Следовательно, поскольку не может быть общества, в котором индивидуумы не отличались бы в большей или меньшей степени от среднего коллективного типа, постольку неизбежно, что среди такого рода отклонений существуют и отклонения преступного характера. Такой характер они приобретают не в силу каких-либо внутренне присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, если оно обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, оно само становится вместе с тем более чувствительным, более взыскательным и, выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, это сознание придает им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям. Другими словами, оно определяет их в качестве преступных.

Итак, преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права.

Действительно, сегодня невозможно более оспаривать тот факт, что право и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому, ни тот факт, что они эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если подвергаются изменениям условия жизни этого общества. Однако для того чтобы эти трансформации были возможны,

коллективные чувства, составляющие основу морали, не должны быть враждебны переменам и, следовательно, должны обладать умеренной силой воздействия. Если они будут слишком сильны, они утеряют гибкость. Каждая установившаяся система является препятствием для развития новой системы в той степени, в какой установившаяся система лишена гибкости. Чем более совершенна структура, тем больше проявляет она здорового сопротивления любым переменам; и это в одинаковой степени верно в отношении как внутренней, так и функциональной организации. Если бы не было преступности, это условие не могло бы быть выполнено, ибо такого рода гипотеза предполагает, что интенсивность коллективных чувств возросла до уровня, не имеющего примера в истории. Ничто не может быть хорошим безгранично и бесконечно. Сила воздействия морального сознания не должна быть чрезмерной, в противном случае никто не осмелится критиковать его и оно легко примет застывшую форму. Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого.

Но это не все. Помимо такой косвенной пользы, преступность сама по себе играет немаловажную роль в этой эволюции. Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения. Там, где существуют преступления, коллективные чувства обладают достаточной гибкостью для того, чтобы принять новую форму, и преступление подчас помогает определить, какую именно форму примут эти чувства. Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит! Согласно законам Афин, Сократ был преступник и его осуждение имело бесспорное основание. Однаково вменяемое ему в вину преступление, а именно независимость мысли, послужило на благо не только человечеству, но и его собственной стране. Оно помогло сложиться новой мо-

рали и вере, в которой нуждались жители Афин, ибо традиции, в соответствии с которыми они жили до этого, не соответствовали более существовавшим условиям жизни. Случай с Сократом не единственный; такого рода случай периодически повторяются в истории. Свобода мысли, которой мы пользуемся ныне, была бы невозможна, если бы запрещавшие ее правила не нарушались вплоть до того момента, когда они были торжественно отменены. Однако до этого нарушение этих правил считалось преступлением, ибо оно посягало на чувства, с особой силой переживавшиеся средним сознанием. И все же это преступление было полезно как прелюдия к реформам, которые с каждым днем становились все более необходимыми. Либеральная философия имела своих предшественников в лице всякого рода еретиков, которые в силу закона наказывались гражданскими властями на протяжении всех средних веков и до начала нашей эпохи.

С этой точки зрения основополагающие факты преступности предстают перед нами в совершенно ином свете. В отличие от ходячих представлений, преступник уже не кажется нам совершенно непригодным для общества существом, своего рода паразитическим элементом, чуждым и враждебным организмом, введенным в среду общества¹. Напротив, он играет определенную роль в социальной жизни. И само преступление уже нельзя понимать как зло, которое необходимо подавлять всеми возможными средствами. Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией. Так, число нападений никогда не бывает столь низким, как во время нужды². Падение уровня преступности влечет за собой пересмотр или необходимость пересмотра теории наказания.

¹ Мы сами совершили ошибку, называя такого рода лиц преступниками, потому что мы непоследовательно применили наш принцип (*Division du travail social*. P. 395–396).

² Хотя преступность — явление нормальной социологии, из этого не следует, что мы не должны питать к ней отвращения. Сама по себе боль нежелательна; человеку не нравится боль точно так же, как обществу не нравится преступность, и все же боль — функция нормальной физиологии. Она не только вытекает из самой конституции любого живого организма, но и

Если преступление действительно болезнь, то наказание за него является лекарством и не может пониматься иначе. Вследствие этого цель всех дискуссий, возникающих в связи с преступлением, — это решить, каким должно быть наказание, способное исполнить роль лекарства. Если преступление вовсе не патология, то целью наказания не может быть излечение и подлинную функцию наказания следует искать в каком-то ином направлении.

T. Селлин

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ¹

Одним из наиболее важных аспектов криминологии являются поиски «причин» преступности. Первая из возникающих проблем связана с самой концепцией причинности, ибо термин «причина» применяется к самым разнообразным понятиям, анализ которых едва ли необходим здесь. Наука отказалась от концепции причинности и обращается к ней только для обозначения функционального взаимоотношения между определенными элементами или фактами. «Когда мы говорим, что одна вещь является причиной другой, — говорит Стюарт, — то при этом подразумеваем лишь то, что они на-

играет полезную роль в его жизни и поэтому не может быть устранена. Толковать нашу мысль как оправдание преступности значило бы грубо извратить ее. Мы не подумали бы о том, чтобы протестовать против такого понимания этих мыслей, если бы мы не знали, каким нелепым обвинениям и толкованиям подвергается тот, кто предпринимает объективное исследование моральных фактов и говорит о них в иных выражениях, чем те, которые употребляет непосвященный.

¹ Социология преступности (современные буржуазные теории): Сб. статей / Под ред. проф. Б. С. Никифорова. — М.: Прогресс, 1966. — С. 27–38.

ходятся в постоянной взаимосвязи: когда мы видим одну вещь, мы можем ожидать и другую. Этую связь мы можем установить только из опыта¹. И в наши дни высказывается почти такое же суждение:

«Применение термина „причина“ для целей научного объяснения мира свойственно только первоначальным стадиям, когда имеет место неширокое, предварительное, примерное обобщение, имеющее в виду дальнейшие, более широкие и постоянные законы. Мы можем говорить, что „мышьяк причиняет смерть“ лишь до тех пор, пока нам точно не известны процессы, приводящие к этому результату.

Однако в достаточно продвинувшемся научном исследовании термин „причина“ не фигурирует ни в одной из формулировок постоянных законов, хотя встречается несколько упрощенное и вольное его использование, которое может быть сохранено. Приблизительное единобразие, обусловившее применение этого понятия до начала научного исследования, может оказаться оправданным при всех обстоятельствах, кроме очень редких и исключительных, а возможно, и при всех встречающихся обстоятельствах. В подобных случаях удобно говорить о предыдущем событии как о „причине“, а о последующем — как о „результате“. В этом смысле все же возможно применять слова „причина“ и „результат“, если конечно, мы понимаем, что такого рода последовательность не является неизбежной и может иметь исключения. Этот и только этот смысл мы... вкладываем в указанные понятия, когда говорим, что одно конкретное событие служит „причиной“ другого конкретного события, как нам иногда приходится делать, чтобы избежать невыносимого многословия².

Разделяя этот взгляд па концепцию причинности, мы понимаем под «причиной» преступления всего лишь необходимо предшествующие обстоятельства или условия преступного поведения. Исследование «причин» преступности сводится, таким образом, к поискам этих предшествующих обстоятельств

¹ Stewart D. Elements of the Philosophy of the Human Mind, Boston, vol. I. — P. 53.

² Russell B. On the Notion of Cause with Application to the Free Will Problem // Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy, лекция посмая. — London, 1914. — P. 220.

и установлению постоянных величин в их связях с преступным поведением. Поскольку последующие главы будут иметь своим предметом именно этот аспект криминологического исследования, следует с самого начала подчеркнуть, что такие термины, как «причина», «причинный» или «причинность» (либо «этиология» или «этиологический»), будут часто применяться для того, чтобы «избежать невыносимого многосложия», однако не следует забывать, что они призваны обозначать лишь указанную выше связь.

Большинство исследований в области изучения причин преступности свидетельствует о том, что криминология еще находится в значительной степени в импрессионистской, спекулятивной стадии. Выводы из этих исследований остаются гипотезами, которые требуют предварительной проверки перед тем, как будет установлено их отношение к этиологическим проблемам. Поэтому следует изучить, являются ли адекватными основные концепции, образующие основу исследования причинности.

Изучение причин преступности имеет своей основой определения понятий «преступление» и «преступник». Эти понятия — предмет традиционной криминологии. Оба они сформулированы правом, и хотя ограничения, которые такие определения налагают на исследование, являются предметом жалоб со стороны криминологов, они не подвергались серьезному сомнению. Даже столь придирчивые критики криминологических исследований, как Майкл и Адлер, утверждают:

«Мы не сможем осуществлять эмпирические исследования преступления и преступника, если не будем иметь какую-то основу для разграничения преступного поведения от иных видов поведения и преступников от других лиц, достаточно точно и определенно для того, чтобы не путать эти явления в наших наблюдениях... Самое точное и наименее двусмысленное определение преступления — это то, согласно которому преступным признается поведение, запрещенное уголовным кодексом... Юридическое определение преступления является не только точным и недвусмысленным, но также и единственным возможным определением»¹.

¹ Michael I. and Adler M. Crime, Law and Social Science. — New York, 1933. — P. 1–2.

Однако эти авторы идут еще дальше в своем толковании рассматриваемых концепций. Признавая, что лицо, которое нарушает уголовный закон, тем самым становится преступником, они добавляют, что наиболее верным способом... проведения различия между преступниками и непреступниками является разделение на тех, кто был осужден за преступление, и тех, кто осужден не был... В целях как практических, так и теоретических мы должны действовать так, как если бы это было верно... Следовательно, криминолог вполне прав, когда считает, как это и происходит на самом деле, что объектом его исследования являются лица, осужденные за совершение преступления¹.

Но в примечании, содержащемся в другой части их работы, Майкл и Адлер поднимают заслуживающий упоминания здесь вопрос, на который не пытаются, однако, дать ответ: «Одна из важнейших проблем, с которой сталкивается криминолог, заключается в том, удовлетворяет ли его целям указанный способ ограничения преступников от остальных лиц»². Авторы безусловно правы, называя эту проблему важнейшей. Это действительно важнейшая проблема. К тому же криминологи уделяют ей очень мало внимания. Криминология стала наукой о преступлениях и преступниках. Социальные требования предупреждения и подавления преступности, кажущаяся точность юридических определений и доступность конкретных данных, собранных в процессе исполнения закона, — все это способствовало созданию искусственных границ криминологии. Такие границы не могут быть признаны наукой. Вместе с тем специализация, разделение труда явно необходимы в научном исследовании.

«Научное исследование любой области явлений, — говорит Джордж Кэтлин, — требует установления общих границ этой области», однако эти границы «обусловливаются органически самой природой исследуемого предмета и не должны иметь случайного характера, определяемого лишь внешним сходством рассматриваемых явлений»³. Практические опре-

¹ Ibid. P. 3.

² Ibid. P. 92.

³ Catlin G. The Delimitation and Mensurability of Political Phenomena // American Political Science Review, 21, May, 1937. — P. 255—269. Под термином

деления, очерчивающие пределы криминологического исследования, относятся к разряду явлений, обладающих указанным «внешним сходством». Перефразируя заявление Франка Росса, можно сказать, что криминологи определили явление, которое они изучают, «в терминах, наиболее доступных [данных]... сводя тем самым на нет все свои теоретические конструкции»¹.

Мы попытаемся показать, что категории, устанавливаемые уголовным законом, не соответствуют требованиям ученых из-за их «случайного характера» и не «обусловливаются органически самой природой исследуемого предмета».

НОРМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Среди различных способов, к которым обращаются социальные группы с целью обеспечить определенное поведение своих членов, важное место занимает уголовный закон, так как его нормы являются обязательными для всех, кто живет в пределах политических границ данного государства, и исполнение этих норм обеспечивается принудительной силой этого государства. Уголовное законодательство может быть определено отчасти как совокупность правил, запрещающих определенные формы поведения и предусматривающих наказание за их нарушение. Характер этих правил, вид или тип поведения, которое они запрещают, характер санкций, налагаемых за их нарушение, и т. д. зависят от характера и интересов групп населения, оказывающих влияние на законодательство. В некоторых государствах эти группы могут составлять большинство, в других — меньшинство, однако к числу социальных ценностей, охраняемых уголовным законом, в конечном счете относятся именно те, сохранение которых соответствует интересам господствующих групп². В демократических государ-

«установление границ» следует понимать не фиксирование границ какой-либо области или зоны исследования, а способ обрисовки органических или естественных свойств исследуемых объектов.

¹ Ross F. Fields and Methods of Sociology, 2nd ed. — New York, 1934. — P. 463.

² Совсем недавно эта точка зрения была поддержана Джозефом А. Лейтоном в его работе «Social Philosophies in Conflict», New York, 1937; см. также «Law and Social Ethics», ch. XXIV.

ствах эта существенная особенность уголовного закона не столь легко различима, как в государствах с иными формами правления, но даже и в демократическом обществе можно видеть, как интересы групп, образующих могущественное меньшинство, формируют определенную часть уголовного законодательства.

«Наши законодатели, — говорил Мануэль Гамио, рассматривая уголовное законодательство Мексики, — создают законы для господствующего меньшинства, схожего по расе, традициям и характеру цивилизации с европейцами... в результате чего законы в значительной степени оказываются скопированными с иностранного образца... Социальное большинство, особенно местные народы, оказывается за пределами этих законов, игнорирующих его биологические потребности и свойства его умственных процессов, его своеобразную индо-испанскую культуру, экономическое положение, стремления и тенденции»¹.

Среди прочих примеров он приводит норму, объявляющую незаконными религиозные и «естественные» или соответствующие обычаям браки. В долине Теотиуакан 73 % браков являются незаконными не вследствие умышленного нарушения этой нормы, а потому, что «для социального меньшинства, в расчете на которое были изданы эти законы, „естественный“ союз ненормален, хотя для социального большинства... он — совершенно нормальное явление»². Подобное несоответствие между законами государства и моральными представлениями различных социальных групп населения этого государства можно проследить повсюду, где стандарты, которым следуют господствующие группы, отличны от стандартов, принятых подчиненными или подчинившимися группами. Нормы уголовного закона, то есть нормы поведения, воплощенные в уголовном законе, изменяются по мере того, как меняются представления господствующих групп о социальных ценностях, либо по мере того, как превратности процесса социального развития приводят к преобразованию самих социальных групп и к сдвигам в центрах сосредоточения

¹ Gamio M. Hacia un Mexico Nuevo. — Mexico City, 1935. — P. 186–187.

² Ibid.

власти. Таким образом то, что было преступным в прошлом, может стать законным сегодня, тогда как то, что считается преступным в одном из существующих сегодня государств, может считаться законным в другом. Этот урок истории позволяет уверенно высказать предположение — эмпирическое обобщение столь же обосновано, как и любое обобщение в области естественных наук, — что все, запрещенное ныне уголовным законом любого государства, не будет подвергаться запрету в будущем, если только не произойдет полная социальная стагнация — ситуация, с которой историки социологии никогда не сталкивались.

Действительно, изменчивость определения преступного и соответственно смысла, вкладываемого в термин «преступник», — факт, настолько хорошо известный социологам, что он не требует подтверждений. Однако в связи с этим возникает вопрос, как подобного рода изменчивость можно совместить с попыткой выработать всеобщие категории, требуемые при проведении любого научного исследования.

Безоговорочное принятие юридических определений основных единиц или элементов криминологического исследования нарушает основной критерий науки. Ученый должен быть свободен определять явление в им самим избираемых терминах, основанных на органических свойствах исследуемого материала и обозначающих те его свойства, которые предполагаются имеющими универсальный характер. В самом деле, имеется много примеров того, как государственная политика, выраженная в законе, временно ограничивала, сводила на нет или предрешала социальные результаты научного исследования в той или иной области. Имеются также свидетельства того, как тормозит развитие научного исследования влияние авторитета, приписываемого одному или нескольким ученым. Ни в одном из этих случаев ученый не должен позволять неученым определять за него основные условия исследования.

Следует тут же подчеркнуть, что сказанное выше не означает, что нормы уголовного закона или данные о преступлениях или преступниках, собранные в процессе исполнения закона, не имеют ценности для научного исследования. В действи-

тельности они представляют собой богатый источник для ученого, однако применение научного критерия для отбора и классификации этих данных независимо от их правовой формы весьма существенно для того, чтобы они могли получить значение для науки. Мы не хотим также сказать, что изучение криминологии в ее традиционном понимании не представляет ценности. Напротив, социальная ценность таких исследований может быть подчас очень велика, даже если научная значимость сделанных из них выводов и вызывает сомнения. Результатом таких исследований может явиться создание основы для социальных действий или государственной политики, соответствующих преобладающим взглядам. Такое исследование может, кроме того, поднять социальный престиж исследователя и поэтому представлять существенную ценность для него. Мы хотим подчеркнуть, что, для того чтобы наука о человеческом поведении могла развиваться, ученый в этой области исследования должен освободиться от уз, создаваемых уголовным законом. Если психиатр ограничится изучением лиц, признанных невменяемыми уголовным судом, он, несомненно, сможет обогатить свой познания в области психических заболеваний, однако если бы суд определял и таким образом классифицировал различные формы психических заболеваний, исходя из интересов государственной политики, то в этом случае психиатр научился бы весьма немногому. Именно потому, что психиатр сумел настоять на самостоятельном определении используемых им понятий, он столь часто вступает ныне в конфликт с законом, который обслуживает социально определяемые цели и не сосредоточивает свой интерес на том лишь, что делают ученые. Законодатель и тот, кто отправляет правосудие, с одной стороны, ученый — с другой, говорят на различных языках, несогласуемых в самой своей основе. Это естественно, поскольку они преследуют совершенно различные цели. Ученый должен пользоваться своим собственным языком, в котором обыденные слова, если он прибегает к ним, имеют специфический смысл, важный для ученого и, возможно, не тот, который вкладывают в эти слова другие. Если криминологическое исследование ограничится изучением преступления и преступников и воспримет специфические

категории «преступления» и «преступника» в том виде, как они определены законом, то с научной точки зрения оно будет теоретически недействительным. Данные об уголовном законодательстве, а также данные о преступлениях и преступниках, которые ныне производим от правовых категорий, должны быть «обработаны» ученым прежде, чем он сможет использовать их.

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Человек рождается в условиях определенной культуры. Он появляется на свет биологически приспособленным к тому, чтобы получить и адаптировать знания о самом себе и о своих взаимоотношениях с другими. Его первые социальные контакты знаменуют начало длящегося всю жизнь процесса координации, в течение которого он усваивает и адаптирует идеи, формально или неформально сообщаемые ему путем обучения или посредством предписаний. В этих идеях воплощено значение, присущее обычаям, верованиям, произведениям искусства, а также его собственным отношениям со своими близкими и с социальными институтами. Если смотреть на них как на не связанные между собой единицы, эти идеи могут рассматриваться в качестве элементов культуры, складывающихся в определенный рисунок или конфигурацию идей, которые имеют тенденцию к превращению в цельную систему значений. Воплощенные в разуме отдельного человека, они становятся элементами личности, и общая сумма всех этих элементов может быть названа личностью в отличие от его биологической характеристики либо от его наследуемых или приобретаемых морфологических или физиологических черт. Таким образом, личность основывается на биологическом фундаменте, играющем важнейшую роль в ее формировании. Биологические свойства лица устанавливают границы развития личности, определяют характер процессов восприятия и адаптации, в результате которых элементы культуры превращаются в элементы личности и влияют на проявление элементов личности в социальной деятельности человека.

Такое определение личности не является приемлемым для всех социологов, не говоря уже о представителях других отраслей науки. В своей недавней работе Гордон В. Оллпорт¹ анализирует не менее сорока восьми определений, а затем предлагает еще одно, свое собственное. Что касается определения, данного выше, — им уже ранее пользовались У. И. Томас, Эллсворт Фарис и другие; — то, по мнению Оллпорта, оно явилось результатом неспособности осознать тот факт, что «личность есть нечто большее, чем «субъективная сторона культуры» — истина, которую социологи и антропологи культуры с их односторонним изучением «культуры и личности» склонны забывать»². Подобная критика исходит из предположения, что психологи знают, что такое личность; между тем все, что здесь можно сказать, так это то, что для целей психологического исследования любое социологическое определение личности является неподходящим. На этом же основании социологи настаивают на своих собственных определениях предмета исследования. Изучая социальные явления, они вынуждены уделять внимание личности, однако они рассматривают ее прежде всего как фокус, в котором преломляются групповые влияния, как продукт воздействия социальных условий, социальный микрокосмос. Если они предпочитают применять термин «личность» для обозначения «субъективного аспекта культуры», их можно критиковать за создание осложнений в результате использования термина, употребляемого в столь различных смыслах, что это затрудняет строгое мышление; однако их нельзя критиковать за то, что они ограничивают свое исследование рамками, определяемыми их наукой. Это не значит, что социолог не проявляет интереса к «динамической организации в индивидууме тех психофизических систем, которые определяют его неповторимый способ приспособления к окружающей обстановке»³, и что эти «психофизические системы» могут быть оставлены без внимания при изучении социальных явлений. Это, однако, значит, что социологи не подготовлены к тому, чтобы изучать

¹ Personality: A Psychological Interpretation, New York, 1937.

² Ibid. P. 372.

³ Personality: A Psychological Interpretation, New York, 1937. — P. 48.

эти «системы», поскольку они не являются ни психологами, ни биологами, и что для определения указанных понятий они должны полагаться на этих ученых.

Если бы все люди были биологически подобны друг другу и подвергались влиянию одинаковых культур, то не существовало бы индивидуальности. Если бы все люди были биологически подобны друг другу, но подвергались влияниям различных культур, то каждый человек обладал бы неповторимой индивидуальностью личности. Поскольку не существует двух индивидуумов, обладающих одинаковыми биологическими свойствами (за исключением, быть может, близнецов), и поскольку нет двух таких лиц, в отношении которых можно было бы сделать предположение, что они оба подвергались влиянию совершенно однородных культур (во всяком случае, после периода раннего детства), постольку каждая цельная личность неповторима. Поэтому научное исследование в области поведения человека сталкивается с проблемой разработки научного описания развития и проявления неповторимых личностей биологически неповторимых индивидуумов. Однако научный метод неприменим к изучению неповторимых явлений. Он может иметь дело лишь с классами, видами, типами. Если бы обобщение было сделано на основе данных, полученных в результате изучения случая, который предполагается неповторимым, то его действительность нельзя было бы проверить. Этиологическое исследование было бы невозможным, если бы оно не исходило из предположения, что используемые в ходе исследования данные могут быть сгруппированы по определенным классам, составляющие которых обладают идентичными свойствами или по крайней мере позволяют предположить, что их характеризует степень подобия, достаточная для того, чтобы их можно было объединить для целей исследования.

По меньшей мере с одной точки зрения человеческое существование можно рассматривать как состоящее из решения следующих одна за другой альтернатив. Человек постоянно сталкивается с необходимостью решать, должен ли он сделать одно или другое. В огромном своем большинстве такого рода решения лишены драматического характера, они составляют

прозаическую рутину повседневной жизни и настолько входят в привычку, что сознательный элемент, ассоциируемый с идеей «выбора», исчезает и постепенно реакция становится автоматической. При таком положении дела только новая или редко возникающая ситуация, в которой оказывается человек, наиболее очевидным образом заставляет действовать его волю и вынуждает его сопоставлять различные возможные реакции, вызываемые данной жизненной ситуацией, выбирая ту из них, которая представляется ему в этот момент наиболее подходящей. Независимо от того, является ли ответ лица на жизненную ситуацию результатом привычки или сознательного решения, его реакция может рассматриваться как выражение его личности. Характер этой реакции зависит от того, что означает для этого лица данная жизненная ситуация. Некоторые из таких ситуаций являются достаточно повторяющимися и настолько определены социально, что они вызывают определенные ответы со стороны встречающихся с ними лиц определенного типа. С ними, так сказать, связаны нормы, предопределяющие реакцию или ответ, которые, когда они исходят от данного лица, получают одобрение или неодобрение со стороны группы, устанавливающей эти нормы. Социальная позиция этой группы по отношению к различному образу действий какого-либо лица в определенных обстоятельствах выкристаллизовалась, таким образом, в правила, нарушение которого вызывает реакцию группы. Эти правила, или нормы, могут быть названы нормами поведения (*conduct norms*). Все реакции или вся деятельность лица, регулируемые этими нормами, могут быть названы поведением (*conduct*). Термин «активность» (*behavior*)¹ целесообразно сохранить для всех типов реакций — поведение является лишь одним из них — или для всех типов реакций, не определяемых как поведение.

Поведение в указанном выше смысле может иметь место только в ситуациях, определенных какой-либо социальной

¹ Автор употребляет два термина, переводимых на русский язык почти одинаково: *conduct* и *behavior*. И тот и другой означают «поведение». В данном случае термин *behavior* мы перевели словом «активность», исходя из толкования, даваемого автором. — Примеч. перев.

группой и регулируемых правилом определенного вида. Более того, любое поведение социально обусловлено, ибо личность — продукт социальный.

Поэтому было бы неразумно с научной точки зрения говорить об антисоциальном поведении, противопоставляя его поведению социальному. Это термины, принадлежащие языку социальных реформ. Было бы лучше во избежание недоразумений говорить вместо этого о нормальном и ненормальном поведении, т. е. о поведении, соответствующем поведенческим нормам или отклоняющемся от них.

Нормы поведения являются продуктом социальной жизни. Социальные группы налагают на деятельность своих членов определенные ограничения с целью охраны социальных ценностей, которым был причинен ущерб неограничиваемым поведением. Норма поведения по происхождению своему является правилом *post facto*. В самых общих чертах «нарушение есть мать закона»¹ и в равной мере мать норм поведения.

Любой человек отождествляется с рядом социальных групп, каждая из которых отвечает потребностям, обусловливаемым биологическими или социальными факторами. Каждая из таких групп является нормоустанавливающей в том смысле, что в ее рамках создаются нормы поведения, применяемые к ситуациям, возникающим в связи со специфической деятельностью данной группы. В качестве члена такой группы человек обязан подчиняться не только правилам, общим и для других групп, но также и правилам, специфическим для этой группы. Лицо, которое в качестве члена семейной группы, передающей в свою очередь нормы, определявшие поведение членов групп, из которых вышли родители лица, усваивает все ее нормы, относящиеся к обычным жизненным ситуациям, в то же время может в качестве члена спортивной, производственной, политической, религиозной и т. д. группы руководствоваться нормами, регулирующими особые жизненные ситуации, которые подкрепляют, ослабляют либо даже противоречат нор-

¹ Эти слова заимствованы из работы Seale W. Primitive Law and Professor Malinowsky // American Anthropologist. 39, April–June, 1937. – P. 284.

мам, ранее инкорпорировавшимся в его личность. Чем более усложняется культура, тем больше вероятность того, что число нормоустанавливающих групп, оказывающих влияние на человека, будет увеличиваться и соответственно будет возрастать возможность возникновения противоречий между нормами различных групп, независимо от того, насколько они будут совпадать друг с другом в результате принятия некоторых норм всеми группами. Конфликт между нормами существует в том случае, когда более или менее различные по своему содержанию нормы поведения регулируют специфическую жизненную ситуацию, в которой может оказаться человек. При этом нормы поведения одной группы, к которой он принадлежит, могут разрешать один ответ на возникшую ситуацию, в то время как нормы поведения другой группы, возможно, предлагают другое, прямо противоположное решение.

Следовательно, для каждого лица с точки зрения группы, членом которой он является, существует возможность нормальной (правильной) и ненормальной (неправильной) реакции, причем нормы, которые определяют его поведение, зависят от социальных ценностей той группы, которая их сформулировала. Таким образом, нормы поведения можно обнаружить там, где имеются социальные группы, т. е. повсюду. Они не представляют собой продукт творчества какой-либо одной группы; они не связаны политическими границами; не обязательно, чтобы они были воплощены в законе.

Это с неизбежностью приводит нас к выводу, что изучение норм поведения явилось бы гораздо более серьезной основой для разработки научных категорий, чем изучение преступлений в том виде, как они определены уголовным законом. Такое изучение предполагало бы выделение и классификацию норм поведения в универсальных категориях, преодолевающих политические и другие ограничения, что необходимо в силу требований научной логики. Изучение того, как развиваются нормы поведения, их соотношения между собой и с другими элементами культуры, изучение изменений и различий в нарушениях этих норм, а также отношения такого рода нарушений к другим явлениям культуры — вот, несомненно,

вопросы, которые социолог по образованию и по кругу научных интересов может рассматривать в качестве объекта своего исследования. Они относятся к числу вопросов, которые такие ученые, как Леви-Брюль или Байе, включили бы в рамки того, что Байе назвал этиологией (не путать с характерологией Джона Стюарта Милля, которой он дал то же наименование), в рамки дисциплины, пытающейся сформулировать научные обобщения, определяющие структуру, развитие и взаимоотношения «моральных фактов»¹.

О необходимости выработать основу для криминологического исследования, простирающегося за пределы, очерченные законом, уже говорилось раньше. Было предложено бесчисленное множество определений преступления, которые, если их взять вне контекста, могут показаться выходящими за рамки юридического определения. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что почти все они представляют собой юридические формулировки, прикрытые социологической фразеологией. Иначе обстоит дело с определением, предложенным Макаревичем, который, можно считать, определяет преступление в терминах нормы поведения: «Преступление представляет собой действие члена данной социальной группы, которое остальные члены этой группы считают настолько опасным или свидетельствующим о столь высоком уровне антисоциальной установки деятеля, что группа публично, открыто и коллективно реагирует на это тем, что пытается лишить лицо некоторых из его прав»². Знанецкий³ также пытается избежать юридического определения, и в его последней работе мы обнаруживаем следующее положение, раскрывающее его точку зрения:

¹ См. введение к книге *Bayet A. Le suicide et la morale.* — Paris, 1922, а также *La science des faits moraux*, Paris, 1925, особенно главу 1 («éthologie»), в которой автор говорит о том, чем он обязан Леви-Брюлю и его работе «*La morale et la science des mœurs*», опубликованной в 1903 г.

² *Makarewicz J. Einführung in die Philosophie des Strafrechts*, Stuttgart, 1906. — P. 79–80.

³ *Znaniecki F. Social Research in Criminology, Sociology and Social Research*, 12, March–April, 1928. — P. 207–222.

«Поскольку коллективная система обладает социальной значимостью для каждого ее члена, поскольку эта система наделена особым достоинством, полностью отсутствующим у чисто индивидуальных систем, поскольку индивидуальное поведение, подвергающее опасности коллективную систему и угрожающее вредом какому-либо из ее элементов, представляется совершенно отличным от агрессии, направленной против индивидуума (за исключением, разумеется, тех случаев, когда такого рода агрессия причиняет ущерб как коллективным, так и индивидуальным ценностям). Такого рода акт является не только вредоносным действием, но и объективным злом, нарушением социальной значимости, посягательством на верховное достоинство этой коллективной системы.

...Наилучшим термином, выражающим особое значение такого рода деятельности, может служить слово «преступление». Мы понимаем, что, используя это слово в данном смысле, мы придаем ему более широкое значение, чем то, какое оно имеет в криминологии. Однако мы убеждены, что для криминологии желательно осуществлять исследования на более широкой основе, ибо, строго говоря, ей все еще недостает должной теоретической базы... Юридические определения не основаны на результатах предшествующих исследований и формулируются не для того, чтобы служить целям будущих изысканий; вследствие этого они не претендуют на ценность ни в качестве научных обобщений, ни даже в качестве эвристических гипотез»¹.

Это расширение значения термина «преступление» не представляется желательным. Целесообразнее сохранить этот термин для обозначения посягательств, наказуемых по уголовному закону, и использовать термин «ненормальное поведение» для обозначения нарушений юридических и неюридических норм.

¹ Новые гипотезы, выводимые путем активного анализа из имеющихся понятий и представлений. — Примеч. перев.

² Znaniecki F. Social Actions. — New York, 1930. — P. 350—352.